

рассуждают о том, что юность дана для того, чтобы открывать новые земли, совершать подвиги или грызть гранит университетской науки.

Освоив экстерном курс начальной школы, в августе 1603 года четверо московских недорослей вступили в новую эпоху своей жизни. Теперь их самооценка определялась не благодаря происхождению и врожденному статусу, а благодаря исключительно их личным талантам и трудолюбию. Тот, кто еще недавно был тише воды и ниже травы и мог подарить любимой девушке только перчатки, оказался самым талантливым и достойным любви и уважения.

А тот, кто еще недавно ощущал себя королем положения и мог дарить любимой девушке бриллианты, теперь оказался в положении троечника, неудачника, шелудивого бездомного пса...

Четыре юных москвитя, четыре девочки-капуцинки и несколько взрослых, их опекающих и направляющих, прошли перед нашим мысленным взором по страницам нескольких шекспировских пьес. И мы их узнали, несмотря на то, что Шекспир менял им имена и места обитания. Пьеса «Два веронца», дружно признаваемая шекспироведами разных стран слабой и неувлекательной, по сути, написана как исторический отчет.

Возможно, дальнейший анализ покажет, что этот конкретный исторический сюжет получит развитие не менее чем в десяти пьесах шекспировского канона. Возможно, раскроется тайна плавания посуху из Вероны в Милан. Но маловероятно, что когда-нибудь найдется человек, который сможет объяснить будущему читателю, как в нескольких разнородных текстах можно незаметно разместить равный по объему гомогенный самодвижущийся сюжет. Такие люди жили только в эпоху позднего Возрождения...

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Волшебная повозка. Проза и стихи. СПб.: Северо-Запад, 2019. — 196 с.: ил. — (серия «Петраэдр»)

По замыслу издателей серии «Петраэдр», художники наряду с писателями и поэтами — правомочные авторы сборников. В «Волшебной повозке» такой соавтор — художник А. Кудрявцев. Его черно-белые иллюстрации создают образный мир, такой же странный, то ли деревенский, то ли природный, а иногда и просто выдуманный, как и в коротких рассказах и стихах, помещенных в книгу. «Этот мир то кажется невероятным и наполнен веселой фантазмагорией, то вполне реальным и привычным. И в этом нет противоречия. Непривычное и странное заключено в будничной реальности. Надо только почувствовать эту нереальность, увидеть, как она выходит на поверхность» — так предваряет книгу А. Кудрявцев. В сборнике представлены и его «рыбацкие» рассказы, действие которых происходит в Шанево, в небольшой деревушке около Валдая, где «нет ни одного петуха и ни одной коровы. Зато прилюдно бегают зайцы, ползают змеи, а по ночам ходят любопытные медведи». А еще Шанево населяют колоритные личности, как, например, тетя Груня в одном из рассказов Кудрявцева, жалующаяся на слабость старуха, мощными, почти мужскими рывками направляя лодку к берегу. Наверное, это глубинная память детства подсказывает авторам сюжеты их рассказов, как у Э. Морозовой, где героиня идет на рыбалку с маленьким сыном и удочками своего отца, или у И. Денисовской, где маленький мальчик, гостящий у бабушки в деревне, отправляется в ночь со своей сверстницей за чудесными светящимися цветами. Спустя десятилетия вспоминает вечер спелого июля и утро, что последовало за ним, герой

рассказа С. Съедина «Как ангелы рожь убирали». Болен отец, слаб дед, мать баюкает грудного ребенка, самому рассказчику идет лишь седьмой год, но надо убирать рожь. «— Дед, скажи, а если мы не сможем убрать хлеба, они умрут? Мать всхлипывает: — Умрут, сынок. Дед ударяет кулаком по столу, и мы все вздрагиваем. — Не умрут хлеба! — грозно цедит он. — Грех людской — позволять им умереть! — Дед — не унимаюсь я, — а кто же их уберет, если мы все не можем? — Ангелы на жнитву встанут!» И плакал навзрыд малыш от собственного бессилия, видя, как умирает в бесконечной ночи рожь, чьи усталые колосья клонятся в томном ожидании отдать доброе зерно в крестьянские руки, и просил Бога послать ангелов. И ведь пришли, ангелы ли, сами ли люди, преодолевшие свою немощь. Полезное напоминание нашему современнику о подлинной цене хлеба. Есть еще один вид памяти, той, что переходит из уста в уста, и это важнее школьных прописей, даже если в бытовых историях есть элементы чудесного, как в «Лилькиных историях» Г. Вороновой. И рассказывает многознающая Лилька о письме, не дошедшем невесте от жениха в Гражданскую войну; о повитухе, что принимала в лесу роды у лосихи и у женщины в избушке на курьих ногах. Чудесного в книге немало. Часто именно чудеса, перекликающиеся с русскими сказками, помогают любящим соединиться друг с другом. Есть и «чудесная» история на злобу дня — о малом бизнесе: двое молодых мужчин, потерявших работу, нашли в лесу башмак великана, приспособили его под передвижную мастерскую и стали успешными предпринимателями. Мораль проста: смекалка и труд все перетрут. Общее для всех рассказов то, что они все добрые, а их герои являются хранителями подлинных, исконных нравственных ценностей и представлений. Один из примеров в рассказе А. Вальта «Коса»: приехавшая в отчий дом под Лугой горожанка несет соседу отцовскую косу для заточки. Тот опознает в ней свою, и женщина выкупает ее за двести рублей — память об отце. Деньги сосед пропивает с другом, а потом вспоминает, что косу когда-то подарил отцу соседки в благодарность за починку телевизора, и возвращает и косу, и деньги. Рассказ написан хорошим языком и с мягким юмором. Обращение авторов к деревенской теме представляется не случайным. Через всю книгу проходит лейтмотив: нельзя забывать свои корни, чтобы не получилось так, как в забавном рассказе Е. Капитоновой «Фольклорный образец». В недалеком будущем, добиваясь аутентичности вновь образуемого историко-культурного заповедника, организаторы решили перенести из дореволюционных времен целую деревню. Произошла осечка. Перенести удалось только троих. «Объект номер тридцать девять. Деревенский дурачок, сорок семь лет. В народе прозван Мотей. После смерти родителей живет за счет добрых людей. Бродит по окрестностям. Поет частушки, пляшет, кривляется. По оценкам нашего разведчика, может служить превосходным образцом». А еще петуха и кошку. «Нормальная, шерстяная по всему телу. Странная такая, знаете, после наших роботов-питомцев. Почему у них никогда не было шерсти?» Решили, что гостям она понравится. А Мотя понял, что в деревню пришла беда: в деревне сменился барин, с виду безобидный, а около него увивается ловкий хлыщ в лаптях и застиранной рубахе, подпоясанной веревкой. Мотю взяли на рацион, но вкус чая, баранок, медовых пряников, смоделированных по старинным рецептам, не сразу пришелся ему по вкусу. Зато публика была довольна. «Вау! Какой колоритный мужик! — Он тут только стоит или еще чего делает? — Да ладно! Что он тебе, сплясать должен? — Дядя, скажи, что ли, чего... Вдалеке играла музыка. Ритм ее был незнаком и неприятен, но красивых мелодий хватало и в собственной голове. Мотя взмахнул руками и пустился в пляс, громко выкрикивая любимые частушки. Уже через неделю историко-культурный заповедник „Святогорье“ стал самым посещаемым местом в стране!»

Николай Набоков. Старые друзья и новая музыка. Пер. с англ. М. Ямщикова. СПб.: Реноме, 2018. — 367 с.

Эта книга увидела свет в 1951 году, в Бостоне. У нас публикуется впервые. Ее автор — Николай Дмитриевич Набоков (1903—1978) — русский и американский композитор, писатель и культурный деятель. И двоюродный брат писателя Владимира Набокова. В апреле 1919 года Николай Набоков, его мать и братья эмигрировали из России. В 1923 году начинающий композитор поселился в Париже, где продолжил музыкальное образование в Сорбонне, а вскоре оказался среди по-настоящему великих людей. Он познакомился с Дягилевым, руководителем труппы «Русский балет». Музыка молодого Набокова, услышанная Дягилевым на одном из концертов, привлекла антрепренера. Благодаря заказу Дягилева в 1928 году появилась первая значительная музыкальная работа Н. Набокова — балет-оратория «Ода» (по оде М. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого Северного сияния», слегка завуалированной аллегории на восшествие на престол императрицы Елизаветы — северного сияния этой оды). Над постановкой в Монте-Карло работали балетмейстер Мясин, дирижер Кохно и художник Челищев. Единого целого не получалось, пока в дело не вмешался сам Дягилев. Сотрудничество продолжалось до смерти Дягилева в 1929 году. В памяти композитора сохранились и яркие, порой комические эпизоды совместной работы, и оригинальные манеры Дягилева, и серьезные разговоры о музыке с законодателем балетной и театральной моды в России и Европе начала XX века, с человеком, обладавшим умением распознавать таланты и открывать их миру. Вокруг «Русского балета» группировалось огромное созвездие современных мастеров: Стравинский, Прокофьев, Баланчин, Мясин, Дерен, Лифарь — все они герои книги. По просьбе Дягилева Набоков привозил в театр из парижского пригорода, из психиатрической лечебницы больного Нижинского. Дружба, во время которой ни разу не возникло недопонимания, связывала Н. Набокова и С. Прокофьева. Н. Набоков подробно рассказывает о С. Прокофьеве, музыканте и человеке, об особенностях его музыки, его технических и стилистических изобретениях, дает сравнительные характеристики музыке Прокофьева и Шостаковича, композиторов, чья слава росла параллельно. Мемуарист говорит о причинах, которые подтолкнули Прокофьева вернуться в СССР, и о том, как складывалась судьба двух композиторов, Прокофьева и Шостаковича, в СССР, — сведения доходили из-за «железного занавеса», а еще — была их музыка. В 1933 году Набоков переехал в США, в 1939-м получил гражданство. Там он продолжил знакомство с Баланчиным, встречался с И. Стравинским, в чьем доме в Калифорнии проводил однажды рождественские праздники. Навещал в Бостоне С. Кусевицкого, еще одного выходца из России, — дирижер, издатель, контрабасист, Кусевицкий исполнял музыку Набокова, издавал его партитуры и был первым дирижером, исполнившим музыку Набокова в Америке. Помимо рассказов о встречах с великими людьми XX века, в книге много и лирических страниц, посвященных детству. Первое и самое любимое детское воспоминание автора — это как мать играет ему, пятилетнему мальчику, Рахманинова в деревенской усадьбе Любча, расположенной между Минском и Пинском, на берегу Немана. Идиллические картинки счастливого детства в большой дружной семье. «Та самая ранняя часть моего русского детства возвращается во всей своей свежести, сверкающей тысячами тайн и неожиданностей». Именно в русском детстве видит он истоки своей музыки. Не вбиваемая насильно классика на ненавистных уроках игры на фортепьяно открывала ему царство музыки. «Музыка приходила ко мне через окно моей спальни на втором этаже нашего дома в Белоруссии. Там, на его широком подоконнике, я, бывало, сижи-

вал во время длительных летних закатов, наблюдая постепенное угасание желтых, красных, пурпурных оттенков на блестящей поверхности Немана, вдыхая мягкий воздух, наполненный ароматом липы и табака, и слушая звонкий стук топора, падающего на бревна какого-то далекого сплавного плота и создающего кратковременный аккомпанемент для „перекликающихся песен“ лесорубов». Через окно доносились голоса крестьянок, идущих в поля ворошить сено, шлепанье их голых ног по воде на наплавном мосте, быстрые веселые песни утром и медленные — вечером. Через окно он прислушивался «к обрывкам музыки, обрывкам мелодий пьяных танцев, иггранных на аккордеоне на субботних танцах в деревне или отрывки сентиментальных пустяков, полных алкогольной неприкаянности, которые горланил какой-нибудь отчаявшийся мужичок на речном берегу, или мягкие, более лирические песни девушек, которые пропалаывали огород». Слышал крики еврейских детей и «напевы быстрых еврейских песен с их странными восточными модуляциями и их легко запоминающимися танцевальным песнями». А еще были еврейские оркестры, приглашаемые на праздники в дом; православные службы в деревенской церкви, повторяющиеся диалоги между священником и хором; рождественские песнопения России. Первую оригинальную композицию, колыбельную для фортепиано, Набоков написал ко дню рождения матери в 1911 году. Ностальгия прошла после Второй мировой войны, когда он работал гражданским культурным советником в оккупированной Германии. Встречи с советскими людьми свидетельствовали, что его России уже нет, да и свои задачи в послевоенной Германии русские и американцы видели по-разному. У Н. Набокова несомненный литературный дар (да и заслуги переводчика несомненны): дивные описания городов, домов, театров, интерьеров, замечательные портреты друзей и близких, выразительные диалоги. И много, профессионально — о музыке старой и новой. Шедевром мемуаристики назвал эту книгу Е. Белодубровский, благодаря ему и пришла в Россию книга, без которой биографии таких гигантов музыкальной культуры XX века, как Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Кусевицкий, Сати, не будут достоверными.

Нина Малыгина. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький. Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артем Веселый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 592 с.: ил.

Посмертная слава пришла к Андрею Платонову (1899–1951) в конце 80-х годов XX века, когда впервые увидели свет не публиковавшиеся при его жизни самые значительные его произведения: повесть «Котлован» и роман «Чевенгур». Необычен был не только взгляд современника на трагические события далеких лет, но и самобытный, не имеющий аналогов в русской литературе язык. При жизни А. Платонов не получил заслуженного признания. Трагический перелом в его судьбе произошел после того, как его публикации 1929 и 1931 годов вызвали гнев И. Сталина. Прочитав «бедняцкую хронику» «Впрок», Сталин написал: «Талантливый писатель, но сволочь». Платонов репрессирован не был, но на долгие годы его имя вычеркнули из литературной жизни. Имя автора рассказа «Усомнившийся Макар» и повести «Впрок» до конца его дней отпугивало редакторов и издателей. Современники боялись упоминать о нем. Ни разу не назвал его в своей обширной переписке Б. Пильняк, Пастернак упомянул его имя только раз, однажды Воронский в письме к Горькому, и только в письмах Горького имя Платонова встречается десятки раз. Коротким промежутком в замалчивании писателя стали годы Великой Отечественной войны, когда он работал военным корреспондентом, а в 1946 году возобновилась травля писателя. Первая посмертная книга прозы

А. Платонова вышла только в 1958 году благодаря усилиям вдовы писателя. В конце 60—70-х годов любая газетная заметка или журнальная статья о полузапрещенном писателе становилась событием. Нина Малыгина, доктор филологических наук, исследователь литературной жизни советской эпохи, материалы о литературных связях Платонова начала собирать и писать о них еще в конце 70-х годов. Новое фундаментальное исследование посвящено участию А. Платонова в событиях литературной жизни Москвы 20—40-х годов. В книге — малоизвестные факты, история взаимоотношений А. Платонова с писателями-современниками, судьба писателя в контексте постоянно меняющейся политической жизни страны, определявшей главные события в судьбе Платонова, его концепция писателя нового типа, которой он стремился следовать. О многом рассказано впервые. Показана роль Горького в возвращении Платонова в литературную жизнь в 1934 году. Соседствуя в литературном движении 30-х, Пастернак и Платонов до сих пор воспринимались изолированно, но Н. Малыгина показывает, что они одновременно принимали участие в одних и тех же событиях литературной жизни. Пересекались пути Платонова и А. Веселого. Дружба связывала А. Платонова и забытого писателя С. Буданцева, чей творческий путь реконструирует Н. Малыгина. В начале 30-х годов установились дружеские отношения и творческий диалог между А. Платоновым и В. Гроссманом. Впервые установлено влияние творчества Платонова на роман «Жизнь и судьба». Н. Малыгина использует в своей работе опубликованные воспоминания, письма, дневники, записные книжки, а также многочисленные архивные документы, часть из которых впервые включена в научный оборот. На основе этих материалов создается и впечатляющий портрет эпохи. За связи с Троцким в 1937 году был расстрелян выдающийся критик А. Воронский, а в 1938-м Б. Пильняк. Драматично сложилась и судьба редактора журнала «Новый мир» Вяч. Полонского, опубликовавшего крамольный отрывок из романа А. Веселого «Россия, кровью умытая». Все эти люди входили в близкое окружение А. Платонова. И если «профессиональные литераторы» сторонились А. Платонова, то и он, как следует из заведенного в ОГПУ личного дела писателя, профессиональных литераторов избегал, поддерживая непрочные и не очень дружеские отношения с небольшим кругом писателей. Н. Малыгина считает, что Платонов главным образом опасался доносов, явления весьма распространенного в писательской среде тех лет. Десятилетия спустя, отмечает автор, выяснилось, что осведомители секретно-политического отдела ОГПУ оказались самыми внимательными биографами А. Платонова. Отношение писателей-современников к творчеству А. Платонова было неоднозначным: одни признавали его гениальность, другие не понимали масштаб его таланта. Нелегкий характер был и у Платонова: осознавая свое интеллектуальное превосходство, он принимал дилетантские суждения литераторов о технике и производстве, часто бывал резок и ядовит. Он верил, что главная роль в строительстве нового мира принадлежит инженеру-организатору, производственнику. «Автор „Котлована“ хотел быть писателем особого склада, для которого главной была профессия инженера, а литературное творчество — обобщение практического опыта, приобретенного на производстве». Опыт реального строительства у него имелся: он, инженер-электротехник, осуществлял мелиоративные работы в Воронеже и Тамбове, что нашло отражение в его произведениях, где в центре был автобиографический образ инженера-организатора. В текст ряда произведений («Епифанские шляузы», «Город Градов», «Котлован») он включал реальные документы, строил свои произведения на фактическом материале. В конечном итоге пролетарский писатель, убежденный в том, что ему не нужно становиться профессиональным писателем, стал гениальным мастером русской литературы XX века.

Ританна Армени. Об этой любви никто не должен знать. СПб.: Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина, 2017. — 228 с.

Итальянская журналистка Ританна Армени рассказывает о том, о чем советская историография стыдливо замалчивала: о многолетнем любовном треугольнике Ленин — Крупская — Инесса Арманд. Исследовательница бережно собрала мельчайшие подробности этой полной драматизма истории и рассказала о ней очень тактично. Да, и Ленин, и Арманд были пламенные революционеры, но еще — мужчина и женщина. Они встретились в Париже в 1909 году, Ленину было тридцать девять лет, ей — тридцать пять. Важнейшее для него — партийная работа, есть и преданная жена, у нее пятеро детей, сложная личная жизнь (о ней рассказано подробно) и тоже большой опыт партийной работы. Она вступила в социал-демократическую партию в 1905 году, были и подпольная работа, и арест, и тюрьма, и ссылка на южный берег Белого моря, откуда она сбежала. Арманд стала доверенным лицом В. Ленина, их связывали ежедневная партийная работа и сложные личные отношения. Их любовь длилась одиннадцать лет, претерпевая как подъемы, так и спады, их связь то прерывалась, то возобновлялась. Ленин мог быть суровым, жестоким, грубым, не раз поручал Инессе рискованные дела, порой расходясь с ней в политических взглядах, публично оскорблял и откровенно эксплуатировал, пользуясь самозабвенностью Инессы и возлагая на нее рутинную работу. Множились недопонимание и недоразумения, Инессу задевало равнодушие друга к тому, что волновало ее — к правам женщин, расходились они и во взглядах на свободную любовь. В сложной внутрипартийной ситуации, когда далеко не все признавали за Лениным право на лидерство, Ленин опасался, что их роман скомпрометирует его в глазах товарищей, и интимные отношения с Арманд скрывал. Не единожды она убегала, переставала отвечать на его письма, но вновь возвращалась, — Ленин умел быть и очень внимательным и чутким. Профессиональные партийные деятели, они оба считали, что личные отношения не должны мешать политическим задачам. Их личная жизнь неотделима от текущих партийных событий: партийные встречи, конференции, организация связей с ячейками в России, а затем и революция. В апреле 1917 года Арманд приехала в Россию в одном купе пломбированного вагона с Лениным. Они восстанавливают свои отношения, в Москве она поселится на Моховой, в сотне метров от кабинета вождя в Кремле, между ними будет установлена прямая телефонная связь. Ленин по-прежнему давал ей сложные поручения и не возражал против того, что она займется женским вопросом. В 1919–1920 годах Арманд возглавит женский отдел ЦК РКП(б), станет «самой влиятельной женщиной России». Но эта самая влиятельная женщина России живет в неотапливаемой квартире, испытывает те же лишения, что и другие жители России. После Октября она дистанцируется от Ленина: не согласна с Брест-Литовским миром, с экономической политикой, разочарована происходящим в России. Ее подруга П. Виноградская так пишет о Инессе 1917 года: «вдохновенное, с тонкими правильными чертами лица, чуть с горбинкой нос, великолепно очерченный сомкнутый рот, большие, с зеленоватым отливом, очень выразительные глаза с пристальным и умным взглядом. Лицо ее обрамляли светлые, пышные, длинные волосы, зачесанные на косой пробор и собранные сзади». Уже в 1918 году всегда элегантная, изысканная Инесса отрезает волосы, ходит в поношенных платьях, впадает в депрессию, серьезно заболевает. Ленин настоял, чтобы она отправилась в санаторий на Кавказ, постоянно звонил кавказским товарищам, чтобы те обеспечили Инессе хорошие условия. Кисловодск оказался ненадежным местом, ввиду белогвардейской угрозы местные власти объявили эвакуацию, на станции Беслан Арманд заболела холерой

и в Нальчике умерла. Тело ее доставили в Москву, по решению Ленина ее похоронили у Кремлевской стены. А. Коллонтай вспоминает: «Когда мы шли за гробом Инессы, Ленина было не узнать, он шел с закрытыми глазами, и казалось вот-вот упадет». В этой книге есть и третья героиня — Надежда Константиновна Крупская. В любовном треугольнике между женщинами установились дружеские отношения. Надежда Константиновна молчаливо играла роль подруги и жены, терпеливо сносила жизнь втроем, делая вид, что ничего не происходит. Ленин ради статуса, ради партии предпочел оставаться с законной женой. История навсегда увековечит Крупскую как товарища главы Советского государства и первую женщину России. А Инессу история забудет и вычеркнет из своих анналов. Р. Армени пройдет по следам многолетней большой любви вождя революции и женщины-аристократки, большевички и революционерки: она изучит архивные документы, мемуары, переписку Ленина и Арманд, дневник Инессы. Она пройдет по маршрутам Арманд в Европе, побывает в России, в том числе в Горках и в Пушкино, где были фабрика и усадьба Армандов. И воссоздаст портрет неукротимой женщины, поменявшей жизнь московской аристократки на служение революции. Инесса Арманд (1874—1920) — кто она? Как в одной женщине уживались три: счастливая жена и любящая мать, элегантная светская женщина и женщина-революционерка, посвятившая свою жизнь идеям большевизма? В жизни Инессы ломаются все схемы и стереотипы.

Тимоти Снайдер. О тирании. 20 уроков XX века. Пер. с англ. Н. Охтина. И.: АСТ, CORPUS, 2018. — 192 с.

Тимоти Снайдер — один из ведущих американских историков, большинство его работ посвящено проблемам национализма, тоталитаризма и холокоста в Европе. В этом небольшом эссе он призывает прислушаться к урокам минувшего века и с их помощью предотвратить скатывание к диктатуре в веке нынешнем. «Мы не мудрее европейцев, которые видели, как демократия уступает фашизму, нацизму и коммунизму в XX веке. Наше единственное преимущество в том, что мы можем учиться на их опыте». Опираясь на исторический опыт (в основном 30—40-х годов XX века), он и дает свои советы. Предостерегает против заблаговременного повиновения, призывает защищать права и неизменность общественных институтов и законов. Не всегда институты способны сохранить себя. Так, некоторые немецкие евреи не верили, что Гитлер и его соратники, заполучив полноту власти, перейдут к реализации своих лозунгов: лишат в одночасье немецких евреев их конституционных прав и заключат их в гетто. Но правители, пришедшие к власти благодаря институтам, могут и поменять, и разрушить эти самые институты. Автор советует помнить о профессиональной этике, особенно юристам и вооруженным людям, ибо сложно подорвать верховенство закона без помощи юристов, или провести показательные процессы без судей, без силовой поддержки. Кое-что покажется банальным, хотя, возможно, для американцев это и выглядит новым. Так, Снайдер делает «открытие», что после Второй мировой войны европейцы, американцы и все остальные создали миф о героическом сопротивлении Гитлеру, а в 30-е годы в настроениях европейцев преобладало соглашательство, и в марте 1938 года ни одна из стран не выступила против немецкой аннексии Австрии, и к 1940 году большинство примирилось с нацистским режимом, который казался непобедимым. Многие страны сближались с Германией в расчете на торговые преференции и новые территории. Нам кое-что покажется неожиданным, может быть, спорным. Можно согласиться, что первым, кто решил сопротивляться Гитлеру, был Черчилль. Но только ли его заслуга, что

война против Гитлера приняла такой всеобъемлющий характер? О себе мы вообще узнаем немало интересного. И то, что Россия использовала против США те же приемы, что во время «вторжения» на Украину, но не смогла навязать желанный режим своему соседу, в то время как в США победил выгодный России кандидат; и то, что в 2015 году Россия начала в Сирии бомбардировки, нацеленные на гражданское население; и еще много ужасов о российском (а ранее и советском) тоталитарном режиме. И еще много-много знакомых клише из западного мира. Но все-таки эта книга рассчитана не на российского и даже не на европейского читателя, а прежде всего на американцев. Демократ Снайдер выступает против Трампа, проводя недвусмысленные параллели между ним и Гитлером. Снайдер озабочен в первую очередь текущей политической ситуацией в США. Он уверен, что американской демократии угрожает тирания и что защищать американскую демократию нужно от самих американцев, которые с помощью ее свобод могут приблизить ее конец. Первые шаги в сторону тоталитаризма в США уже сделаны, считает автор. Так, американское федеральное правительство использует наемников в военных действиях, а правительства штатов платят корпорациям за содержание тюрем. Во время кампании 2016 года было принято за норму нарушение неприкосновенности частной жизни в электронной сфере. Во время предвыборной кампании кандидат в президенты Трамп приказывал охране удалять оппонентов со съездов своих сторонников, призывал и аудиторию это делать. «Этот тип коллективного насилия призван изменить политическую атмосферу, и это удалось». Отряды личной охраны президент решил сохранить на весь свой срок. Шагом к тоталитаризму автор считает и подмену нормальной политики теорией скрытых заговоров. Утверждению авторитаризма содействуют и неожиданные катастрофы, оправдывающие отмену систем сдержек и противовесов, роспуск оппозиционных партий, приостановку свободы слова и права на беспристрастный суд. К укреплению авторитаризма ведут манипуляция словами «экстремизм» и «терроризм» и манипулирование терроризмом (реальным, сомнительным, мнимым) в целом. Так происходило в России в конце 90-х годов, утверждает Снайдер, а ныне эту тактику готов взять на вооружение Трамп. «Когда американский президент и его советник по национальной безопасности говорят о том, что будут бороться с терроризмом вместе с Россией, они предлагают американскому народу управление посредством террора. То есть планируют использовать реальные, сомнительные или симулированные теракты, чтобы нанести удар по демократии». Демократ Снайдер считает своего президента националистом, но не патриотом, а непатриотично, с точки зрения автора, восхищаться иностранными диктаторами; говорить, что Башар Асад и Владимир Путин — незаурядные лидеры; цитировать российскую пропаганду на встречах со своими сторонниками. И так далее. «Суть не в том, что Россия и Америка должны быть врагами. Суть в том, что патриотизм подразумевает служение *своей собственной стране*». Некоторые советы автора сомнительны, например, совет в знак протеста выходить на улицу и собираться в толпы. Некоторые вызывают недоумение. Бесспорно утверждение, что нельзя проходить мимо свастики и нацистских символов. Бесспорно, «когда люди с оружием в руках, всегда утверждавшие, что они против системы, надевают форму и начинают маршировать с факелами в руках и портретами лидера, знайте, что конец близок». Убедительны примеры: «В Европе 1930—1940-х годов некоторые стали носить свастики, в результате чего другим пришлось надевать желтые звезды». Но странно, что специалист по истории Восточной Европы «не заметил» проявлений нацизма ни на Украине, ни в Прибалтике. Читать эту книгу можно, только воспользовавшись советом самого автора: думать, сопоставлять, опираться на факты.

**Джон Хейвуд. Люди Севера. История викингов 793–1241. Пер. с англ.
2-е изд, доп. и испр. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. — 452 с.: ил.**

Уникальным явлением европейской истории викингов сделали не технологические, военные или культурные новации — во многих отношениях это были малоразвитые народы, а то, как широко они раздвинули границы своего мира. От родной Скандинавии викинги совершили плавание на восток по великим рекам России и дошли, переплыв Черное и Каспийское моря, до Константинополя и Багдада. На западе освоили все побережье Западной Европы, основав колонии в Шотландии, Англии, Ирландии и Франции. Вторгались в Средиземноморье, высаживаясь на берегах Италии и Северной Африки. А параллельно с этим пересекли Атлантику, по пути заложив поселения на Фарерах, в Исландии и Гренландии, и стали первыми европейцами, ступившими на землю Северной Америки. Эпоха викингов была полна насилия: их торговля питалась военными трофеями, а основанию мирных колоний предшествовали кровавые завоевания. Джон Хейвуд, специалист по истории Европы темных веков, вписывает цивилизацию викингов в широкий исторический контекст: от ее языческих корней до интеграции в христианскую Европу. Он проходит по всем маршрутам древних норманнов, грабивших монастыри, города, порты. Продвигаясь, они захватывали пленников, чтобы потом продать их в рабство, и собирали дань. Они разорили Фландрию, Париж, Севилью. От них пробовали обороняться, иногда успешно, как в Испании, где норманны, столкнувшись с военной мощью мусульманского Кордовского эмирата, не смогли преуспеть. Мощную оборонительную систему создал король франков Карл Великий, при котором произошло первое вторжение норманнов на его королевство. Его оборонительная система успешно действовала еще двадцать лет после его смерти. Норманнам платили огромные откупные, достигавшие нескольких десятков тысяч килограммов серебра. После вторжения норманнов в Шотландии полностью были истреблены пикты, но начавшаяся экспансия скоттов положила начало рождению Шотландии. Фактически норманны поучаствовали в становлении многих европейских стран. Жизнеспособные колонии норманны основали на Фарерах и в Исландии, и это оказалось единственным территориальным приобретением, которое скандинавский мир сохранил после эпохи викингов. Армии, грабившие Англию и империю франков, состояли преимущественно из данов, Шотландия и Ирландия всегда были сферой интересов норвежских воинов, продвижением на восток занимались шведы. В отличие от экспансии в Западную Европу, где их целью был грабеж, от поиска земель для заселения в Северной Атлантике, на Русь скандинавы шли ради торговли. Их привлекали богатые товары с востока и полновесная серебряная монета востока — дирхем. Иногда мы слишком болезненно воспринимаем норманнское участие в создании русского государства. Д. Хейвуд призвание норманнов на Русь считает легендой, а главной задачей русской летописи XII века, «Повести временных лет», полагает желание утвердить законность правящей династии Рюриковичей. В конце концов норманны основали свою колонию Нормандию на земле франков, датчанин Кнут правил Англией, немало способствуя ее консолидации. Согласно Д. Хейвуду, шведы, постоянно обретавшиеся на востоке, получили новое наименование — русь, они так же основывали колонии, а чаще брали под свою власть уже существовавшие на торговых путях поселения. Русы образовывали правящую военную и торговую элиту в этих «городах», но большинство населения составляли местные — финны и славяне. Уже княжение Владимира (980–1015) положило конец норманнскому государству в Киевской Руси. «В конечном счете вклад викингов в русскую историю оказался невелик. Показательно, что, несмотря на двести лет тесного взаимодействия, в русский язык вошло менее дюжины скандинавских за-

имствований. Не оставили викинги и четко просматривающегося генетического следа в современном русском народе. Заметнее всего они повлияли на Русь в спектре урбанизации. ...Гораздо более важным для развития русского раннего государства было обращение князя Владимира в православное христианство, что открыло дорогу мощному влиянию византийской цивилизации. Когда в 1453 году Византия пала под натиском турок, русские с полным на то основанием сочли себя ее культурным и политическими преемниками». Со временем русы-шведы ассимилировались местным населением, о чем говорят имена, вера, язык и даже то, что службы после принятия православия велись на старославянском языке. За разбойниками на все захваченные ими земли следовали поселенцы, они быстро ассимилировались, обращались в веру коренных жителей, перенимали их обычаи, язык. «При всем напоре и свирепости викингов они не норманнизировали Европу, они сами подверглись европеизации. ...В начале XII века скандинавские королевства уже мало отличались от остального католического мира». Д. Хейвуд охватывает все мало-мальски значимые эпизоды кровавого времени, в которых участвовали легендарные и реальные герои со звонкими именами: Рагнар Кожаные Штаны, Бьёрн Железнобокий, основатель первой успешной колонии в Гренландии Эйрик Рыжий, Харальд Синезубый, объединивший народ Дании, первый известный король Швеции Эйрик Победоносный и еще один объединитель, уже Норвегии, — Харальд Прекрасноволосый. Д. Хейвуд пишет не только об исторических деяниях викингов, но и об их верованиях, ремеслах, традициях, быте. Он использует документы и свидетельства того времени, археологические данные, топонимику, ищет в языках скандинавские корни и скандинавскую ДНК в крови ныне живущих. А фактически его книга — это «энциклопедия викингов», правда написанная далеко не научным языком.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)